

К. Т. ВИТЧАК

СКИФСКИЙ ЯЗЫК: ОПЫТ ОПИСАНИЯ

(«Вопросы языкознания», № 5. М., 1992)

Одним из наиболее важных вопросов иранской филологии является проблема скифского языка как такового и его связей с другими иранскими языками. Данные для решения этого вопроса, имеющиеся в нашем распоряжении, весьма скудны, но они, как кажется, все же дают возможность в какой-то степени охарактеризовать язык скифов и определить его место в составе индоиранской языковой семьи. Такими данными являются прежде всего скифские глоссы у античных авторов, особенно у греческих писателей, в меньшей степени – скифская ономастика.

1. Скифская проблематика в существующей литературе¹

Почти до наших дней продержалась точка зрения, согласно которой близкие друг другу иранские диалекты, на которых говорили согдийцы, хорезмийцы и другие северо-восточные племена, а на западе – сарматские племена и современные осетины, восходят к единому скифскому языку как особой ветви общеиранского праязыка [3]. Несколько модифицированный подход к этой проблеме неоднократно излагал В. И. Абаев [4–7], считающий скифский (т.е. североиранский) язык обособленным, прежде всего лексически от других иранских диалектов, однако внутренне однородным языком. Исходной предпосылкой для Абаева как палеолингвиста и этимолога является идентификация осетинского в качестве продолжения сарматского диалекта и в дальнейшей хронологической перспективе – скифского. Отсутствие тех или иных скифских элементов в осетинской лексике Абаев склонен объяснять их позднейшей утратой, а не изначальным отсутствием. Следует, однако, добавить, что им признается и наличие диалектной дифференциации между скифским и сарматским.

С критикой обеих точек зрения выступил Я. Харматта [8–9], считающий, что необходимо пересмотреть концепцию Готье и Абаева, бази-

рующуюся на теории генеалогического древа и на убежденности во вторичном характере диалектных различий. Харматта выдвинул гипотезу формирования осетинского этноса в результате «наслоения» различных иранских племен. Исходя из предположения об относительно древнем характере диалектной дифференциации иранского праязыка, он полагал, что скифо-сарматские языки (или диалекты) не были гомогенными, и иранские племена, обитавшие в первом тысячелетии до н.э. в Северном Причерноморье, говорили на нескольких самостоятельных иранских языках, во многих отношениях отличавшихся друг от друга. Харматта считал, что на основании одного лишь фонетического критерия можно выделить по крайней мере четыре языка или диалекта [8, с. 58]. Таким образом, была предпринята попытка установить (на основании ряда фонетических изоглосс) отдельные языки или диалекты, существовавшие на территории к северу от Черного моря. Однако изоглоссы Я. Харматты² далеко не бесспорны, а их характер неоднороден, что вынуждает скептически отнестись к достоверности данной попытки³.

С моноязычной теорией Р. Готье и полиязыковой Я. Харматты с давних пор конкурировала третья, наименее популярная, хотя она представлена еще у Геродота. Эта концепция, особенно поддержанная М. Фасмером [11–12], предполагает существование двух отдельных языков – скифского и сарматского (аланского). Точка зрения, близкая данной, была высказана и Л. Згустой [10], который усматривал наличие диалектных различий в иранских антропонимах, зафиксированных в греческих надписях северного побережья Черного моря; они разделяются им на две группы: архаичные – западные (т.е., по мнению Згусты, скифские) и более поздние – восточные (т.е. сарматские). Подобный подход не является совершенно неприемлемым для В. И. Абаева [4, с. 148; 7, с. 274], который не исключает, что отдельные иранские племена, обитавшие в причерноморских степях в VIII в. до н. э. – IV в. н. э., несколько отличались по языку, поскольку “редко вообще бывает, чтобы язык не делился на диалекты и говоры” [7, с. 273]. Он допускает, что наибольшая дифференциация существовала между скифами и сарматами, поскольку Геродот отмечал политико-географическую самостоятельность обоих племен (отражением ее была граница по реке Танаис, или Дону) и их отличие по языку. Абаев ссылается в этом последнем случае на свидетельство Геродота (IV, 117), который указывает, что “языком сарматов является тот же скифский, но только с давних пор испорченный” [...φωνῆ δὲοἱ Σαυρομάται νομίζουσι Σκυθικῆ, σαλοικίζουτες αὐτῇ ἀπὸ τοῦ ἀρχαίου (Геродот IV, 117)]. Однако Абаев недооценивает значения данного свидетельства. Не подлежит сомнению, что во времена Геродота (1-я пол. V в. до н. э.) языковые

различия между отдельными иранскими народами были относительно невелики. Поэтому шесть веков спустя Страбон мог совершенно определенно заявить, что такие народы, как персы, мидийцы, бактрийцы и согдийцы, относятся к ариям и пользуются почти одним и тем же языком [εἰσι γὰρ πῶς καὶ δμῶλωτοὶ παρὰ μικρόν (Страбон XV, 724)]. Слова Геродота “скифский с давних пор (ἀπὸ τοῦ ἀρχαίου) испорченный”, употребленные по отношению к сарматскому, приобретают в свете сообщения Страбона смысл “другой иранский язык”. Поэтому концепция, предполагающая наличие двух отдельных иранских языков – скифского и сарматского, – существовавших в Северном Причерноморье, представляется нам наиболее подкрепленной источниками⁴. Однако ее надлежит проверять, опираясь на лингвистические данные. При этом необходимо исключить из рассмотрения те факты, которые не обладают признаками, позволяющими отнести их к конкретному иранскому этносу. Далее следует весь скифско-сарматский лексический материал подвергнуть сплошной проверке с целью отделения лексики бесспорно скифской от сарматской и иранской неясного происхождения. Затем необходимо осуществить этимологическую реинтерпретацию скифского материала, поскольку его анализ прежде проводился в соответствии с законами историко-сравнительной грамматики осетинского языка (т.е. сарматского диалекта). Хотя результаты такого анализа могут обладать высокой степенью достоверности, это вовсе не следует со всей обязательностью.

Необходимо отметить, что источники для изучения обоих рассматриваемых здесь языков совершенно различны. Скифская лексика сохранилась прежде всего в виде глосс и ономастики, тогда как словарный состав сарматского почти полностью отражен в осетинском (ср. [4, с. 9–94], особенно с. 41–47); кроме того, остатки одного из аланских диалектов были зафиксированы на венгерской территории в письменности начала XVI в. н. э. [13], а благодаря греко-византийским авторам в большом количестве сохранились глоссы и даже целые аланские выражения (ср., например, аланские фразы у византийского писателя Цеца, жившего в XII в. н. э. [4, с. 254–259]), не считая имен собственных. Таким образом, на основании указанных источников положение сарматского языка в (индо)иранской языковой семье определено вполне однозначно. Место же скифского языка в этой семье до сих пор остается неуточненным. Данная работа имеет своей целью в определенной мере устранить эту лакуну.

2. Место скифского языка в (индо)иранской языковой семье

Характеристика скифского языка будет даваться с опорой на аргументы фонетического, морфологического и лексического характера при одновременном использовании всего доступного лексического и ономастического материала. Целью данного анализа является: 1) сопоставление скифского и сарматского языков, что позволит определить их соотношение и характер генетических связей; 2) уточнение положения языка скифов по отношению к другим (индо)иранским языкам.

2.1. Фонетические аргументы.

I. Иран. **d* > сарм. *d* (или δ): скиф. *l*: киммер. *l*.

Сарматский язык унаследовал иранскую фонему **d* в неизменном виде, ср. осет. *don* “вода”, яск. *dan* тж. [13, с. 30] < иран. **dānu-* “река, течение, вода”; осет. *dās* “десять” < иран. **dasa* < и.-е. **dékm* “10”, ср. ягн. *das*, ишк. *da*, сангл. *dos* тж. Нельзя установить, прошла ли осетинская фонема *d* в своем развитии стадию [δ], хотя такая возможность часто постулируется на основании того, что в большинстве восточноиранских языков иран. **d* изменилось во фрикативный δ или даже в фонему *l*, ср. согд. (маних.) *ds'*, шугн. *δīs*, хотан. *dasau* [*d* = δ], руш.: *dos*; сарык. *des*, язг. *dis*, вах *das* наряду с афг. *lás*, йидга *las* “10”.

В скифском языке в противоположность сарматскому уже во время Геродота (1-я пол. V в. до н. э.) иран. **d* через стадию зубного фрикативного δ развилось в фонему *l*. В пользу такой интерпретации говорят следующие факты:

I.1. Скиф. *Παράλαται*, племенное название, означающее, по словам Геродота (IV, 6), правящую скифскую династию и разъясняемое им в других местах с помощью выражения *Σκύθαι βασιλῆται*, т.е. “царские скифы”; < иран. **paradāta-* “поставленный во главе, по закону назначенный”, ср. авест. *paradāta-* (почетный титул владыки, букв. “поставленный впереди, во главе”), н.-перс. *pešdādiyān* (первая легендарная династия иранских царей у Фирдоуси). Следует заметить, что данная этимология является общепринятой [4, с. 161, 175; 7, с. 285, 298; 11, с. 15; 14, с. 112; 15, с. 322; 16, с. 85, 120; 17, с. 22].

I.2. Скиф. *Σκόλοτοι*, племенное название, которое, по Геродоту, было общим самоназванием всех скифских племен и происходило от имени их царя (*σύμφασι* [= *Σκύθαισι*] *δὲ εἶναι οὐνομα Σκολότους τοῦ βασιλέως ἐπωνυμίην* – Геродот IV, 6) < иран. **skuda-ta-* “лучники” [17, с. 17–23], где *-ta-* являются показателем собирательности. (Ср. IX. 1). Производными от

данного этнонима являются, несомненно, греч. Σκύθαι “скифы”, ассир. *Ašgūzai* или *Išgūzai* тж. (ок. 680 г. до н. э.), др.-евр. *Askenez* или *Askeuez*, библейский эпоним скифов (Книга Бытия, X, 2, 3)⁵. Этим подтверждается, что первоначально в данном этнониме на месте скиф. *l* выступал зубной фрикативный *δ*, который передавался посредством греч. *θ*, ассир. *z*, др.-евр. *z*. Нельзя исключить связи этого этнонима с личным именем (ср. [17, с. 21–23]), поскольку в другом месте Геродот (IV, 78–80) сообщает о скифском царе, носящем имя Σκύλης (ср. греч. Σκύθησ “скиф”), т.е. “лучник”. Внешним подтверждением *post quem* процесса *δ > l* является ассирийский поход скифов (около 680 г. до н. э.), а также расселение их в причерноморских степях (VII в. до н. э.), поскольку лишь тогда греки могли соприкоснуться со скифами и познакомиться с их этническим самоназванием. Временные границы рассматриваемого процесса *ad quem* неизбежно связаны со скифским путешествием Геродота (начало V в. до н. э.).

I.3. Скиф. *maluwyat* “напиток, приготовленный на меду” (μελύγιου [гамма [Г] вместо дигаммы [F]). πόμα τι οκυθικόν μέλιτος ἐψομένου σὺν ὕδατι καὶ ποτὶ τινί – Гесихий) < иран. **madu-* “мед” (ср. скр. **mádhu* “мед”, греч. μέθυ тж., осет. ирон. *myd*, дигор. *mud* “мед”) + суф. *-way-*.

I.4. Скиф. *maglí* “лебедь” (μαγλί [книжн. ἀγλί]. ὁ κυκνὸς ὑπὸ Σκυθῶν – Гесихий) < иран. **madgu-*, ср. н.-перс. *māy* “водоплавающая птица”, скр. *madgú-* тж.

I.5. Иран. **d*, несомненно, является источником скифского *l*, которое относительно богато представлено в скифской ономастике (преимущественно в антропонимии), например, имя Κολάξα’ισ – мифический предок скифов (возможно, из иран. **skuda-kšay-* “повелевающий скифами”), Λιτόξαισ, Λύκος, Παλαῖος, Σαῦλιος, Σκίλουρος и т.д., а также в киммерийской ономастике, например, Λύδαμις (ассир. *Tugdammē*), киммерийский владыка (из иран. **Duyda-maiši-*, ср. ниже, III. 4).

II. Иран. **h-* > сарм. *ø* < скиф. *ø-*.

Западноиранские языки сохранили начальное *h-* (ср. например, ср.-перс. *haft*, тадж. *haft*, тат. *häf*, бахт. *haft* / *häft*, курд. *häft*, парачи *höt*, ормури *hō/wō* “семь” < иран. **hafta* < и.-е. **septm* “7”), тогда как восточноиранские утратили *h-*, ср. согд. ’*Bt* [= *avd*], хорезм. ’*bd*, афг. *ová*, ягн. *aft/avd*, язг. *uvd*, мундж. *ovda*, сарм. **avda* [αβδα] “семь”, зафиксированное в аланском названии города Феодосии в Крыму: ’Αρδ-άβδα, переводимом как греч. ’Επτά-θεος “имеющий семь божеств” (<иран. **arəta-hafta-*), осет. *avd* “7” (< иран. **haftá*)⁶.

Аналогичным образом и в скифском языке не сохраняется начальный *h-. Об этом могут свидетельствовать следующие данные:

II.1. Скиф. *arima- “число один” (ἄριμα γὰρ ἔν καλέουσι Σκύθαι – Геродот IV, 27) < иран. *ha*rīma- (букв. “число 1”). Компонент ha- (< и.-е. -sm “один”) в индоиранских языках часто выступает в составе сложений ср., например, авест. ha-karət, скр. sa-kṛt (< и.-е. *sm-k “один раз”). Относительно компонента *rīma- “число” ср. ниже IV. 3.

II.2. Аристофан в комедии “Женщины на празднике Фесмофорий” вложил в уста скифского лучника формы ῥοτερ вм. ῶοτερ, ὄοτερ вм. ὅοτερ и т.д. Во времена Аристофана скифские лучники выполняли в Афинах обязанности службы по охране порядка, следовательно, указанная ошибка, очевидно, была у скифов очень распространенной. Не будет лишено вероятности предположение, что опущение сильного придыхания (ʰ) в греческих словах связано с тем, что в своем родном языке скифы не имели начального h-.

III. Иран. интервокальный *-š- > сарм. -s- [-š-]: скиф. ø (киммер. ø).

Одной из наиболее характерных черт восточноиранских языков является развитие интервокального -š-. В северо-восточных диалектах интервокальных -š- обычно сохраняется без изменений (ср., например, согд. ywš, ягн. yuš, осет. ирон. yos, дигор. qus “ухо” < иран. *gauša- тж.), тогда как в юго-восточных диалектах интервокальный -š- претерпел изменения, превратившись в отдельных языках в следующие фонемы (ср. [16, с. 116, 121]): -ž- (афг. ywaž “ухо”); -y̆- (шугн. yūy̆ тж.); -l- или -l̄- (сарык. yewl, ишк. yil/yil̄, сангл. yol/yōl); -y- (мундж. yūy “ухо”); -w- или -ø- (руш., хуф. yōw, йидга yū, барт., орош. yū^w, хотан. gguya-, язг. yəvón “ухо”).

В скифском языке интервокальный -š- видоизменился в фонему -ø- (или -w-). Такой вывод мы делаем на основании следующих данных.

III.1. Скиф. spáu [опоῦ] “глаз” (ἄριμα γὰρ ἔν καλέουσι Σκύθαι, οποῦ δὲ τὸν ὀφθαλμὸν – Геродот IV, 27) < иран. *spáuš- “глаз” < и.-е. *spéksus- тж. Словообразовательной основой в данном случае является иранский корень *SPAS- [18, с. 1614], продолжение и.-е. корня *SPEK- “смотреть, видеть” [19, с. 984–985], ср. лат. specio “смотрю”, скр. spašati, авест. spasyēli “смотрит”. Скифское слово образовано аналогично скр. cáksus- “глаз” (производное от скр. глагола cašte “смотрит, видит”): *CAS- [19, с. 638–639], ср. авест. cašman “глаз”, н.-перс. čašm тж.

III.2. Скиф, kararú- “крытая повозка, используемая для жилья” (καρარύεσ. οἱ Σκυθικοὶ οἴκοι. ἔνιοι ὁὲ τὰς κατηρεφετὸς [книжн. κατηρετς] ἀμάξας – Гесихий) < иран. *kerəšaru- “кибитка кочевников”, ср. тох. А

kursär тж. (мн. ч. *kursärwa/kurtsru*), в *kursar/kwarsär* (мн. ч. *kursarwa/kwärsarwa*).

III.3. Скиф. **krau-kasi-* “белый от снега”, скифское название Кавказа (...Scytae ipsi Persas Chorsaros et Caucasum Croucasim, hoc est nive candidum – Плиний, NH. VI, 50) < иран. **kraušu-* “снег, лед”, ср. греч. κρύος “холод” (из **krusos*), κρύσταλλος “лед, кристалл”, др.-в.-нем. *(h)rosa/(h)roso* “лед”, литов. *krusa/kriuša* “град”, русск. *кроха* [19, с. 622; 20, с. 23, 88]. Второй компонент данного сложения (т.е. *-kasi-*) обычно объясняют как “блестящий” [19, с. 622; 21, с. 116–117].

III.4. Имя собственное (греч.) Λύδαμις, (ассир.) *Tugdammē*, имя царя киммерийцев⁷ (VII в. до н.э.) < иран. **duyda-maiši-* “владеющий молочными овцами” (см. [8, с. 5]), ср. авест. имена собственные *Duyδδ.vā-* f. (мать Заратустры) и *Dawrā.maeši-* m. (“имеющий жирных овец, принесших приплод”). В данном антропониме проявляются две типично скифские языковые черты: (1) процесс перехода **d >* скиф. *l* через стадию зубного фрикативного *δ*, а отсюда неоднозначность записи: греч. Λ наряду с ассир. *T-*; (2) утрата интервокального *-š-*.

IV. Иран. **ry-*, **-ri-* > сарм. *-l-*: скиф. *-ry-*, *-ri-*.

В сарматском языке сочетания *-ry-* и *-ri-* преобразовались соответственно в фонемы */-l/* либо */-ll-/*, ср. например, сарм. Ἄλανοι / *Alani* (осет. *Allon*) – название одного из главных сарматских племен < иран. **Aryāna-* [4, с. 245–247] осет. *fal-* (приставка) < иран. **pari-*, ср. авест. *pari-*, скр. *pari-*, греч. περi- [6, с. 33–41]. Скифский же, напротив, сохранил эти сочетания звуков без изменения, о чем свидетельствуют следующие примеры:

IV. I. Скиф. *anarya-* “гермафродит” (οἱ Ἐνάρεις = οἱ ἀνδρόγυνοι – Геродот I, 105; IV, 67) < иран. **a-narya-* (букв. “не-мужской”), ср. скр. *narya-* “мужской”, осет. *nāl* “муж, мужчина” [4, с. 151, 174; 7, с. 276, 296; 10, с. 13]. Менее вероятным является возведение к иран. **an-arya-* “неарийский” (ср. авест. *and^hrya-* [18, с. 120]), предположенное Мюлленгофом [14, с. 104].

IV.2. Скиф. *arya-* “арийский, ариец” (ср. авест. *d^hrya-*, др.-перс. *ariya-*), выступающее обычно в именах собственных: Ἄρια-πείδης (< индоиран. **arya-paiças-* “имеющий арийский облик”, ср. ниже V.2.) и Ἄριαντας (< иран. **arya-vant-* “ариеподобный”, ср. [4, с. 156; 7, с. 280; 10, с. 12; 26, с. 158]).

IV.3. Скиф. **rima-* “число” (выступает в скифском сложении *a-rima-* [ἄριμα] “число один”, ср. выше II.1.) < иран. **rīma-* < иран.-е. **ariθmó-* “число”, ср. др.-в.-нем. *rīm* “ряд, очередность, число”, др.-исл. *rīm* “счет” и т.д. (из герм. **rīma-*), др.-ирл. *rīm* “число”, греч. ἀριθμός тж. [19, с. 60].

V. Индоиран. **č* **i(h)* > сарм. *sz*: скиф, *ʃ* *δ*.

Иранские языки продолжают индоиранские фонемы **č* и **j(h)*, восходящие к и.-е. **k* и **ǵ(g)*, двояким образом: либо в виде аффрикат *ʃ* *δ* (в древнеперсидском и языках, его непосредственно продолжающих), либо в виде аспират *s z* (в большинстве иранских языков). Сарматский относился ко второй группе языков, ср. осет. *dās* “десять”, авест. *dasa*, др.-перс. **daθa* “10” (сохранившееся, в частности, а н.-перс. *dah*, тадж. *dah*, тат. *däh*, бахт. *deh* и т.д.) < и.-е. **dek̑m* “десять”, ср. выше, I.). Скифский же язык сохранил такое положение, как в древнеперсидском, т.е. аффрикаты *ʃ* *δ*. Об этом свидетельствуют следующие факты:

V.1. Скиф. *θapsa-* “растение, использовавшееся для окраски шерсти и волос в золотистый цвет” (Θάψινον. τὸ ξαντόν, ἀπὸ τοῦ ξύλον τῆς θάψου, ᾧ ξανθίζουσι τὰ ἔρια καὶ τὰς κεφαλὰς. τοῦτο τινεσ Σκυθικὸν λέγουσι. καὶ ὁ ποταμός, παρ’ ᾧ φύεται τὸ ξύλον, Θόψος κολεῖται – Гесихий) < индоиран. **čapsa-* (1) “какое-то растение”: афг. *sabah* “вид травы”, н.-перс. *sabz* “зелень, трава”, скр. *śaṣpam* п. “(свежая) трава” (с. метатезой неясного происхождения в сочетании *-ps-*), пракрит. *sappha-* “свежая трава” [27, III, с. 318–319, 797]; (2) “какое-то дерево”: хотан. **sausa-* (засвидетельствовано в заимствованиях: комп. *sūs* “кедр”, арм. *saus*, ‘ н.-арм. *sos* “платан”; ср. осет. ирон. *sūsqād*, дигор. *sōsqādā* “липа”) < и.-е. **kopso-* “вид растения (дерева)”, ср. алб. *thanë* f. “кизил” и псл. **sosna* “*Pinus silvestris* L.” (оба из и.-е. **kops-nā-* f.).

V.2. Скиф. *raiθah-* п. “облик, вид” (лексема зафиксирована в сложных именах собственных: Σπαργα-πείθης. имя скифского царя, из индоиран. **sp̑rga-paičas-* “подобный юной лозе” [4, с. 175, 183; 7, с. 297–298; 10, с. 16; 28, с. 164], а также Ἄρια-πείθης, имя скифского князя, из индоиран. **arya-paičas-* “обладающий арийским обликом (украшением)” [10, с. 12; 14, с. 117; 16: 11; 28, с. 158]) < индоиран. **paičas-* “вид, облик, цвет, украшение”, ср. скр. *péśas-* п. “вид, цвет”, авест. *paesah-* п. “украшение”. Не вызывает сомнений, что запись Геродота передает здесь аффрикату [ʃ], поскольку в другом месте он приводит имя князя Массagetов (сына царицы Τίμουρις) как Σπαργα-πίσης. Сопоставление обоих имен, скифского и массагетского, восходящих к единой индоиранской праформе **sp̑rga-paičās*, однозначно свидетельствует о соотношении между скифским *ʃ* и массагетским *s*, аналогичном соотношению между др.-перс. *ʃ* и авест. *s*⁸.

V.3. Скифские заимствования в сарматском языке (т.е. праосетинском) и других соседних языках (в том числе финно-угорских, славянских, тохарских, хотанском, чувашском, тунгусских и др.)

В. И. Абаев [4, с. 138–143; 29, с. 7–12] приводит несколько осетинских слов, в которых продолжением индоевропейских заднеязычных палатальных является зубная фонема, и считает их заимствованиями из древнеперсидского языка. Однако это в равной степени могут быть и скифские заимствования. В пользу последнего, по нашему мнению, свидетельствуют следующие обстоятельства: (1) древнее соседство скифов и сарматов (предков осетин); (2) география заимствований: например, лексема **par(a)θu-* “секира, топор” проникла не только в осетинский, но также в хотанский, тохарские, финно-угорские, тунгусские, чувашский и, вероятно, в славянские языки (если мы считаем псл. **toporъ* скифским заимствованием с последующей метатезой); (3) отсутствие в древнеперсидском материале тех лексических элементов, для которых предполагается древнеперсидское происхождение (например, **par(a)θu-*, **raθanā-* и т.д.).

Полагаем, что это достаточные основания для того, чтобы считать лексические элементы данного рода происходящими из скифского. Следующие “миграционные слова”, по нашему мнению, восходят к скифскому источнику:

V.3.1. Скиф. **aθi-* “трава”, ср. *āθi-gar-* “саранча”, букв. “(насекомое), пожирающее траву”: > тох. А *āti*, в *āt(i)yai* obl. sg. “трава” > тюрк. **ōt* “трава”.

V.3.2. Скиф. **aθu-ka* adv. “быстро, внезапно” (ср. скр. *āsú-* adj. “быстрый”, греч. ὀκύς тж.): > тох. А *ātuk*.

V.3.3. Скиф. **θasta-* “рука” (ср. скр. *hasta-*, авест. *zasta-*, др.-перс. *dasta-* “рука”): > согд. *δst*, хорезм. *δst*, хотан. *dastā*; афг. *lās*, вах. *last*, шугун. *δust* “рука”. Данное предположение учитывает распространение форм типа *dasta-* в восточноиранских языках, поскольку трудно признать древнеперсидскую лексему генетическим источником этих всех заимствований.

V.3.4. Скиф. *gada-* “дерево, древесина, лес” (ср. иран. **gaza-* 1) “древесина, дрова”, 2) “тамариск”, 3) “камыш” [30, с. 40]): > осет. ирон. *qād*, дигор. *γādā* “лес, (срубленное) дерево, бревно” (ср. осет. ирон. *qāz*, дигор. *γāzā* “камыш”); > венг. *gaz* “небольшой лес; поваленное дерево”.

V.3.5. Скиф. **par(a)θu-* “топор, секира” (ср. скр. *paraśú-*, греч. πέλεκος, язг. *parūs*, парачи *pasö* “топор”): > осет. *fārät*; > тох. А *porat*, В *peret* “топор”; > чув. *purDé*; > тунг. *purta* “нож”; > вотяк. *purt*, зырян. *purt* тж. (откуда заимствовано др.-русс. *портъ* “топор”) [31, с. 76]; хотан. *padä* “топор”; цсл. **toporъ* тж. (с метатезой согласных под влиянием глагола **tepq* “бью, ударяю”, ср., например, др.-русс. *топоръ*, польск. *topór* и т.д.).

V.3.6. Скиф. **raðanā-* f. “ремень, веревка” (ср. скр. *raśanā-* f. тж., н.-перс. *rasan*): > осет. *ratān* тж.

V.3.7. Скиф. **ðarmi-* “вид дерева” (ср. др.-перс. *ðarmi-* “кедр”, ср.-перс. *sarv* “кипарис”, хет. *kalmi-* “полено, обрубок дерева” < и.-е. **kolmi-*): > осет. *talm* “вид дерева; ильм”.

V.4. В скифской лексике и ономастике находим фонемы, передаваемые в греческом посредством ð и ð, например, Θαυμασάδας (бог вод у скифов, отождествляемый с греческим Посейдоном), Μαθύης (имя скифского царя), τάρανδ(ρ)ος (обитающее в Скифии рогатое животное, похожее на оленя⁹) и т.д. Поскольку иран. **d* в скифском регулярно соответствует *l* (ср. выше, I), не вызывает сомнения, что скиф. *d/ð/* должно в конечном счете представлять собой фонему, близкую авест. *z* и др.-перс. *d*. Per analogiam скиф. *ð* соответственно должно быть фонемой, близкой авест. *s* и др.-перс. *ð*.

VI. Иран. **-rn-* > сарм. *-rn-*: скиф. *-ll-*

Сочетание согласных *-rn-* в сарматском языке не претерпело изменений (см. ниже, VI.2), тогда как в скифском оно трансформировалось в геминату *-ll-*. Данный процесс на скифской почве подтверждается двумя свидетельствами:

VI.1. Скиф. *Māspallā* f., скифская богиня луны (Μεσπέλλη [книжн. Μέσπλη¹⁰]. ἡ Σελήνη παρά Σκύθαιθ – Гесихий) < иран. **Mās-pərənā-* f. (с закономерным сохранением **s* в позиции перед взрывным согласным), ср. др.-перс. *Māh-* f. “богиня луны”: *māh-* f. “луна”, бактр. *Maο* “божество луны”, фриг. (из киммер.?) Μάς или Μᾶ f. “богиня луны”¹¹. Данный скифский теоним образован из тех же элементов (только в обратном порядке), что и индоиранская лексема **p̄ṛṇa-mās-* “полная луна”, ср. скр. *pūrṇa-mās-* “полная луна”, авест. *pərənō.māh-* m. “луна, божество луны” [34, с. 61–62]. Следует заметить, что в хотанском мы встречаем слово *purra-* “луна”, которое будучи субстантивированным прилагательным жен. рода, продолжает индоиранскую лексему **p̄ṛṇā-*f. (букв. “полная”).

VI.2. Скиф. **x^vallah-* n. “хвала, слава” (> псл. **chvala* f. тж.) < иран. **x^varnah-* n. “слава, величие”, ср. авест. *x^varənah-* “царский блеск, величие” (часто выступающее в качестве символа законной царской власти), хотан. *pharrā-*, др.-перс. (из индийского) *farnah-* n. “королевский блеск, слава, счастье” [35, с. 118], согд. *prn*, н.-перс. *farr* “блеск, величие”, бактр. *φαρ(ρ)ο*, осет. *fārn* “счастье, богатство, покой”. Псл. **chvala* неоднократно признавалось иранским заимствованием [36, с. 143–145; 37; 38, с. 25–26; 39, с. 53–54]. Важнейшее доказательство в пользу иранского происхождения данной лексемы приводит Т. Милевский [28, с. 206–207; 40, с. 50],

показавший, что славянское сложное имя **Bogu-chvalbъ* “славный перед богом” (ср. др.-русск. *Богухваль*, чеш. *Bohuxval*, польск. *Boguchwał*) является точным отражением (“репродукцией”) мидийского *Bagā-farnah-* тж. Скифское существительное ср. рода с основой на *-ah-* (< и.-е. **-es-*) было преобразовано славянами как слово женского рода с основой на *-ā*. Адаптация такого типа является вполне регулярной, с учетом того факта, что другое иранское слово **xʷarnah-* п. “пища” (ср. авест. *xʷarənah-* п. тж. [18, 1873]), омонимичное (sic!) предыдущему, было заимствовано славянами как **chorna* f. “пища”, также “охрана, защита” [36; 41, с. 36; 42, с. 85–91]. В последнем случае источником заимствования, несомненно, явился один из диалектов сарматского (сохранено сочетание *-rn-*)¹².

VII. Иран. **w/*wʷ > сарм, v/θ: скиф. B/w.*

Характерной чертой восточноиранских языков является развитие **w* твердого либо **wʷ* мягкого. В сарматском языке первый позиционный вариант сохранился в виде *v* (ср. осет. дигор. *väss* “теленок”, ясс. *vas* “bidellum” [13, с. 19, 21], ср. скр. *vatsa-* “теленок”), второй же был полностью утрачен (ср. осет. ирон. *ssäz*, дигор. *insäi* “двадцать” [43, с. 555] < иран. **wī(n)sati*, ср. авест. *wīsaʹti* “20”, скр. *vimsatīh* тж.).

В скифском языке **wʷ* (мягкое) сохранялось как *w*, тогда как **w* (твердое) развилось в спирант *β*. Наличие такой оппозиции показывают следующие примеры:

VII.1. Скиф. < **wira-* “муж, мужчина” (οἰόρ = ὁ ἀνῆρ – Геродот IV, 110) < иран. **wīra-* тж., ср. скр. *virāh*, авест. *vīra-* м. “Mann” [18, с. 145]. Данная этимология является общепринятой [4, с. 172–173; 7, с. 295, 298, 308; 10, с. 151]

VII.2. Скиф. **ahuwtra-* “ум, разум, мудрость” (ἄνωρ. νοῦς ὀλο Σκούθων – Гесихий) < иран. **anu-wīra-* тж., ср. курд. *bīr* “память”, н.-перс. *vīr* “разум, ум, память” (< иран. **wīra-*). Префикс *anu-* в аналогичной функции выступает также в санскрите, ср. скр. *anumatīh* (“суждение”: *matīh* f. “мысль, замысел, цель, понимание, суждение, молитва, гимн”, скр. *anukāmaḥ* м. “жажда, стремление”: *kāmaḥ* м. “стремление, любовь”).

VII.3. Скиф. *maluwyam* (μελύγιον) п. “напиток, приготовленный на меду” < иран. **madu-wya-* (ср. выше, I. 3).

VII.4. Скиф. **βaru-* “широкий” (прилагательное зафиксировано в скифском названии Днепра – βоруσθῆνης [Геродот, Птолемей, Страбон]) < нндоиран. **wāri-* adj. “широкий”, ср. скр. *ugá-*, авест. *voʷru-*, греч. εὐρύ- тж. (< праи.-е. **ēwrHú-*).

VII.5. Скиф. **Arti-βāsa-*, скифская богиня счастья и порядка, соответствующая Афродите Урании (Ἄρτίμλασα = Ουρομένη Ἀφροδίτη – Геро-

дот IV, 59) < индоиран. **Rti-wasišta-* “прекраснейшая *Rti-* (т.е. Судьба)”, ср. ср.-перс. *Arđibehešt* (один из язатов), бактр. Ардоҳос, богиня, изображенная как римская Фортуна [44, с. 149] < иран. **arəti-wahišda-* [45, с. 318; 46, с. 324]. Первый компонент **Rti-* (ср. авест. *aši-*, ср.-перс. *ard*) является именем богини счастья (“Glücksgottin”) [15, с. 325, п. 4]; /мл/ передает в записи Геродота скифский фрикативный [β].

VII.6. Киммер. *βāta* “бог ветра” (имя которого заимствовано фригийцами как *Φατα*, см. ссылку 11) < иран. **Wāta-* “бог ветра”: **wāta-* “ветер”, ср. авест. *Vāta-*: *vāta-* тж., бактр. Оадо “бог ветра”, осет. *wad* “буря, ветер”.

VIII. Индоиран. **th* > сарм. *t*: скиф. *h* (> *ø*).

Индоиранская фонема */*th/* (> скр. *th*, авест. *θ*) в сарматском совпала с фонемой */*t/*, тогда как в скифском она упростилась в *h* (> *ø*), ср., например:

VIII.1. Скиф. **Yakšām-pāyah*, название священного места близ реки Гипанис (Южный Буг), где находился источник с соленой водой (Ἐξαπλαῖος=Ἰραῖ ὁδοί “священные пути” – Геродот IV, 52) < индоиран. **Yakšām pathayas* (буквально “пути якшей”). Конечный компонент (-παῖος=ὁδοί “пути”) представляет собой скиф. ном. pl. **pāyah* от скиф. *pāy* (< **pahi*) “путь”, ср. скр. *pathi-* тж., мн. ч. *pathayas*, др.-перс. *paθi-* “путь”.

VIII.2. Скиф. **βāša-*, superl. “прекраснейший, -ая, -ее” (прилагательное зафиксировано в имена скифской богини счастья и порядка, отождествляемой Геродотом [IV, 59] с Афродитой Уранией) < иран. **wahišta-*, тж. (ср. выше, VII.5.).

Выводы. Представленные сопоставления фонетических взаимоотношений дают возможность, уже на этом этапе работы, сформулировать вывод о соотношении между сарматским и скифским языками. Приведенные факторы фонологического рода несопоставимо доказывают, что в скифском языке V в. до н. э. представлены такие явления, которые не наблюдаются ни в сарматском праязыке, ни в одном из происходящих от него языков (аланский, яский, осетинский). Здесь можно указать на такие процессы, как: (1) иран. **d* > скиф. *l*, (2) интервокальное **-š-* > *-ø* (или *-w-*); (3) **-rn-* > *-ll-*. Кроме этого, скифский продолжает использовать индоевропейские гуттуральные палатальные согласные (и.-е. **k *g *ǵh*) в виде аффрикат /θ δ/ и приближается в этом отношении к староперсидскому, а в сарматском здесь употребляются, т.е. продолжается традиция большинства иранских языков.

Перечисленные расхождения наглядно показывают, что нельзя говорить о языках скифов и сарматов, как о близких друг другу диалектах какого-то единого североиранского языка. Это безусловно д в а р а з н ы х и р а н с к и х я з ы к а.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь нет надобности входить в обсуждение скифской проблемы в целом. Работами К. Мюлленгофа, В. Миллера, В. Томашека, М. Фасмера, В. И. Абаева и др. полностью доказано распространение ираноязычного (т.е. скифского и сарматского) элемента на территории Северного Причерноморья в период от VIII–VII вв. до н.э. до IV–V вв. н.э. Этот этнос был известен классическим авторам под общими названиями «скифы» (греч. Σκύθαι / лат. *Scythae*) и «сарматы» (греч. Σαυρομάται, Σαρμάται / лат. *Sarmatae*). Если под этими наименованиями скифов и сарматов скрывались также некоторые неиранские элементы, что возможно (ср. спорные толкования-этимологизации Джавахишвили, который предполагал северокавказские этно-глоттогенические связи скифов), то приходится согласиться, что для их этнической и языковой характеристики сделано пока недостаточно: ср., однако, попытку изучения О. Н. Трубачевым индоарийского (т.е. сиидского слоя в Северном Причерноморье (см. [1, с. 39–63; 2, с. 13–29] и мн. др. его работы).

² Харматта [8] выделяет, например, такие изоглоссы, как иран. **ary* > 1) *ary*, 2) *al*, 3) *lr* (осет. *ir*), 4) *il* на основании главным образом антропонимии, данные которой могут быть интерпретированы иначе, чем в работе венгерского ученого, тем более что рассматриваемый им материал (1) неоднороден хронологически, (2) не имеет твердой этнической соотнесенности и (3) мог подвергнуться греческой адаптации.

³ Точка зрения Харматты оспаривается Л. Згустой [10, с. 268–271]. Отрицательно оценил подход венгерского исследователя также В. И. Абаев [7, с. 274], отметивший, что сопоставление фактов не всегда осуществляется им со строго синхронных позиций: возникает опасность усмотреть диалектные различия там, где в действительности мы имеем различия хронологические, отражающие разные этапы звукового развития одного и того же языка.

⁴ В одной из последних своих работ Абаев заявляет: «Концепция двух диалектов, скифского и сарматского, восходящая еще к Геродоту и принятая также Фасмером, имеет наиболее солидную базу» [7, с. 274].

⁵ В литературе по данному вопросу соотношение греческого названия Σκύθαι и скифского племенного названия Σκόλοτοι истолковывается по-разному; не убеждает, однако, ни точка зрения, отделяющая друг от друга оба эти этнонима, ни имевшие место попытки выяснить возникшую соотнесенность (ср., например, выведение греч. Σκύθαι из **skul-ta-*, где *-ta-* является коллективно-множественным показателем, а **skul-* якобы позаимствовано у доиранского населения этой территории [4, с. 243–244; 7, с. 363–364]).

⁶ Из восточноиранских языков лишь хотанский сохранил начальный *h-*, ср. хотан. *hauda* “семь”.

⁷ Невозможно определить, является ли данное имя собственное киммерийским или скифским, пока не будет решен вопрос об этнической принадлежности киммерийцев. Материал, которым мы здесь располагаем, еще более скромнен, чем имеющийся в отношении скифов, а трудности более значительны. Серьезную проблему представляет хотя бы уже само название этого народа: ведь греч. Κίμμεριοι эллины получили не от самих киммерийцев, а от оседлого анатолийского населения, которое обычных степняков называло **gimmariāi*, ср. хет. *gimmarāš* “степь”, лув. *immari-* тж. На данном этапе исследования следует склоняться к точке зрения, в соответствии с которой киммерийцы представляют собой народ иранского происхождения, родственник скифам. Об этом свидетельствует следующее: (1) сталкиваясь с киммерийцами в Малой Азии, восточные народы с трудом отличали их от появившихся там позднее скифов и часто смешивали оба этноса; (2) в греческих источниках эти народы не всегда различаются; (3) представления греков о киммерийцах имеют типично “скифский” характер, например, Ηρώς Κίμμεριος представлялся в образе скифского лучника; (4) в Библии (Книга Бытия, III, 2, 3) *Askeuez* (т.е. эпоним скифов) считается сыном *Gomer* (т.е. эпонима киммерийцев); (5) по культуре и языку киммерийцы ближе всего к скифам [6, с. 125; 12, с. 169 и сл. 22, с. 115; 23, с. 131; 24, с. 88; 25, с. 10–13]; (6) археологически культуры киммерийцев и скифов почти тождественны [26, с. 171–173].

⁸ Уже Абаев сообщает, что скифские имена Σπαργα-πεϊθης и Ἄρια-πεϊθης выступают “с др.-персидским оформлением *θ* вместо *s*” (ср. [4, с. 175; 7, с. 297]), но он ограничивается лишь этой информацией.

⁹ Из индоиран. **śaran-tara-* (см. [32, с. 62–65; 33, с. 49–53]), ср. скр. *śarabha-* “вид оленя”, манс *šuorp, šōrp* “лось”.

¹⁰ В лексиконе Гесихия данная глосса находится между статьями μεσοφέρδειν и μεσπίλι (книжн. μεσκήλα), поэтому алфавитный порядок заставляет нас принять конъектуру: Μεσπέλλη (книжн. Μέσπλη).

¹¹ Фригийская богиня Μάς/Μᾶ в новофригийской надписи (Но. 48) соседствует с такими заведомо иранскими божествами, как *Miθra-* и *Wāta-* (ср. ... Μίτρα Φατα κε Μας Γετρουεϊος κε Πουντος Βοσ κε ...), что склоняет к выводу об иранском (предположительно киммерийском) происхождении имени и данной богини.

¹¹ Фонологические, хронологические и формальные аспекты вышеупомянутых заимствований, свидетельствующих об интенсивных славяно-иранских контактах в скифский и сарматский периоды, будут рассмотрены нами в специальной работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ТРУБАЧЕВ О. Н. О синдах и их языке // ВЯ, 1976. № 4.
2. ТРУБАЧЕВ О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в северном Причерноморье // ВЯ. 1977. № 6.
3. GAUTHNOT R. Essai de grammaire sogdienne. Premiere partie. P., 1914–1923.
4. АБАЕВ В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л., 1949. С. 147–244.
5. АВАЕВ V. I. Isoglosse scito-europoe // Annali Istituto Universitario Orientati Napoli. S. linguistica. IV. 1962.
6. АБАЕВ В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке востока и запада. М., 1965.
7. АБАЕВ В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Т. 1; Древнеиранские языки. М., 1979.
8. HARMATTA J. Studies in the language of the Iranian tribes in South Russia // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1950/1951. T. 1.
9. HARMATTA J. Studies in the history and language of the Sarmatians. Szegod, 1970.
10. ZGUSTA L. Die Personennamen der griechischen Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältnis der Skythen und Sarmaten im Lichte der Namenforschung. Praha, 1955.
11. VASMER M. Untersuchungen über die älteste Wohnsitze der Slaven. I: Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923.
12. VASMER M. Skythen. Sprache // Reallexicon der Vorgeschichte. 1928. Bd 12.
13. NÉMETH J. Einé Wörterliste der Jassen, der ungarländischen Alanen. B., 1959.
14. MÜLLENHOFF K. Deutsche Altertumskunde. Bd III. B., 1892.
15. HUMBACH H. Scythe-Sarmatica // Die Welt der Slaven. 1960. Jg. V, Hf. 3–4.
16. ОРАНСКИЙ И. М. Введение. Иранские языки в историческом освещении // Основы иранского языкознания. Т. I: Древнеиранские языки. М., 1979.
17. SZEMERÉNYI O. Four Old Iranian ethnic names: Scythian – Skudra – Sogdian – Saka. Wien, 1980.
18. BARTHOLOMAE, Chr. Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1906. (2-te unveränderte Aufl. B., 1961).
19. POKORNY, J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959.
20. ILLICH-SVITYCH V. M. Nominal accentuation in Baltic and Slavic. Cambridge; London, 1979.
21. EILERS W., MAYRHOFER M. Namenkundliche Zeugnisse der iranischen Wanderung? Eine Nachprüfung // Die Sprache. 1960. Bd VI.
22. MINNS E. H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
23. HARMATTA J. Le problème cimmérien // Archeologiai Eriesitö. 1946–1947. Ser. 3. № 7/9.
24. POTRAIZ, J. Die Skythen in Südrussland. Basel, 1963.
25. АБАЕВ В. И. О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы // Проблемы скифской археологии. М., 1971.

26. КУКЛИНА И. В. Ранние известия о скифах и киммерийцах // ВДИ. 1981, № 2.
27. MAYRHOFER M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd I–III. Heidelberg, 1953–1979.
28. MILEWSKI I. Indoeuropejskie imiona osobowe. Wrocław, Warszawa; Kraków, 1969.
29. АБАЕВ В. И. Древнеперсидские элементы в осетинском // Иранские языки. Т. 1. М., 1945.
30. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ И. М. Флора иранской прародины // Этимология. 1972, М., 1974.
31. REDEI K. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. Wien. 1986.
32. ISEBAERT L. Encore grec *táρανδ(ρος)* “renne” // Giotta. 1982. LX, Hf. 1/2.
33. WITCZAK K. T. Tocharian B *karse* “hart, deer” and Hittite *karšaš* “locust, grasshopper” // Tocharian and Indo-European studies 1990. IV.
34. SCHERER A. Gestirnnamen bei den indogermanischen Völliera. Heidelberg, 1953.
35. BRANDENSTEIN W., MAYRHOFER M. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964.
36. GOŁAB Z. The initial *x-* in Common Slavic: a contribution to prehistorical Slavic-Iranian contacts // American contributions to the Seventh International Congress of slavists. The Hague, 1973.
37. RECZEK J. Najstarsze słowiańsko-irańskie stosunki językowe. Kraków, 1985.
38. МАРТЫНОВ В. В. Балто-славяно-иранские отношения в глоттогенез славян // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981.
39. МАРТЫНОВ В. В. Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. М., 1983.
40. MILEWSKI T. Ewolucja morfologiczne indoeuropejskich zlozonyoh imion osobowych // ВРТJ. 1957. XVI.
41. ТРУБАЧЕВ О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. М., 1967.
42. RECZEK J. Iranische Entlehnungen im Urslavischen // FO. 1968. IX.
43. ИСАЕВ М. И. Осетинский язык // Основы иранского языкознания. Т. 4: Новоиранские языки. Восточная группа. М., 1987.
44. GÖBL R. Zwei neue Termini für ein zentrales Darum der alten Geschichte Mittelastem, das Jahr I des Kušankönigs Kaniška. Wien. 1964.
45. ЛИВШИЦ В. А. [Перевод сурх-коральской надписи] // Массон В. М., Рамодин В. А. История Афганистана. Т. 1. М., 1964.
46. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ И. М. Бактрийский язык // Основы иранского языкознания. Т. 2: Среднеиранские языки. М., 1981.

Перевел с польского Уткин А. А.